
НОВОЕ СЛОВО СТАРОЙ КРИТИКИ.

Анненковъ: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху. По новымъ документамъ. (*Вѣстникъ Европы*. 1873—1874 годовъ.)

Пушкину рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ г. Пылинъ въ своей книгѣ: *Характеристика литературныхъ мнѣній* произвелъ надъ нимъ нѣкоторый везелый экспериментъ, разобравъ его поэзію съ точки зрѣнія „сколько-нибудь грамотныхъ пралорщиковъ“, и вотъ въ томъ же *Вѣстникъ Европы* появляется новый критико-біографическій трудъ о Пушкинѣ, хотя и принадлежащій перу писателя стараго поколѣнія, но написанный очевидно подъ вліяніемъ книги г. Пылина. Г. Анненковъ не въ первый разъ трудится надъ объясненіемъ литературной и человѣческой личности Пушкина. Безъ малаго двадцать лѣтъ назадъ, имя его получило извѣстность прекраснымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, первый томъ котораго составили собранные г. Анненковымъ *Матеріалы* для біографіи поэта—книга довольно слабая въ кратическомъ отношеніи, но очень почтенная по добродушію которымъ она была проникнута. Но въ этотъ почти двадцатилѣтній періодъ многое измѣнилось. Тогда близъ г. Анненкова стоялъ покойный Боткинъ, и составитель *Матеріаловъ* старался подвигаться до высоты воззрѣній на которой находился этотъ незабвенный носитель эстетическихъ идей и лучшихъ предавій русской

литературы; теперь воплощеніемъ господствующихъ идей г. Анненкову вѣроятно представляется г. Пылинъ. Эта маленькая перестановка конечно должна была отразиться на „новыхъ“ пѣсняхъ принесенныхъ нашею послѣднею литературною весною.

Слѣдующій эпизодъ можетъ дать довольно ясное понятіе о новой манерѣ г. Анненкова. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, относящейся къ Кишиневскому періоду его жизни, г. Анненковъ нашелъ наброски полу-фантастической, полу-сатарической поэмы, заключающейся въ отрывочныхъ, неотдѣланныхъ стихахъ и въ рисункахъ перомъ какими Пушкинъ, какъ извѣстно, имѣлъ привычку иллюстрировать свои бумаги. Содержаніе какъ стиховъ, такъ и рисунковъ, составляютъ сцены въ аду: чертики съ хвостиками, скелеты, орудія адскихъ пытокъ и т. п. Кажется, во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего необычайнаго: Пушкинъ, имѣвшій привычку чертить перомъ на каждомъ попавшемся ему подъ руку клочкѣ бумаги и произведшій въ свою жизнь по всей вѣроятности сотни и тысячи самыхъ разнообразныхъ рисунковъ (между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ были скопированы при изданіи сочиненій Пушкина 1855 года: мы помнимъ тамъ изображенія рыцарей въ средне-вѣковомъ вооруженіи, фигуру Балды съ бѣсенкомъ и пр.)—Пушкинъ могъ бы кажется, никого не ставя въ удивленіе, изобразить между прочимъ и нѣсколькихъ чертенятъ. Что же касается идеи помѣстить дѣйствіе сатирической поэмы-комедіи въ аду, то надо слишкомъ уже отвыкнуть отъ общенія съ поэтами чтобы усмотрѣть въ этой идеѣ нѣчто совершенно ненормальное. Что же однако дѣлаетъ г. Анненковъ съ своимъ открытіемъ этой злополучной тетради Пушкина? Разглядѣвъ что „сатанинская“, по его выраженію, композиція лестритъ тетрадь поэта въ теченіи цѣлаго года, онъ не обинуясь возглашаетъ: „Для того чтобы подолгу останавливаться на производствѣ этого цикла фантастическихъ изображеній, надобно было находиться въ особенномъ нравственномъ и патологическомъ состояніи.“ * Это особенное патологическое состояніе поэта представляется г. Анненкову тѣмъ несомнѣн-

* Напоминаемъ для вящаго смущенія г. Анненкова что эти фантастическіе образы занимали Пушкина гораздо долѣе года; такъ напримѣръ Балда съ Чертенкомъ нарисованы имъ много лѣтъ спустя.

нѣе что „сатанинскіе“ наброски были, какъ онъ думаетъ, „предтечами и такъ-сказать живописною пробой серьезнаго литературнаго замысла—именно большой политической и общественной сатиры.“ Мысль кажется г. Анненкову до того чудовищасю что онъ забываетъ всѣ существующіе въ европейской литературѣ образцы подобныхъ произведеній, и относить замыселъ Пушкина прямо къ душевной болѣзни.. Здѣсь удивительно конечно не то что г. Анненковъ обнаруживаетъ нынче такое непониманіе поэтическихъ фантазій. Гораздо замѣчательнѣе то что это непониманіе не только никому не бросается въ глаза, но наличная журналистика даже слѣшитъ присоединиться къ нему. Едва статья г. Анненкова появилась въ печати какъ въ петербургскихъ газетахъ возникло по поводу ея нѣкоторое ликование: автору посылались дружные комплименты. „Г. Анненковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, выкликнувъ немедленно одинъ петербургскій фельетонистъ, что нѣкоторые эскизы (въ тетрадахъ Пушкина) обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячее, звирѣлое состояніе фантазіи что приобрѣтають, просто, значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщиковъ“. Поэтическая организація, сила фантазіи очевидно представляются этѣмъ господамъ явленіемъ патологическимъ, симптомомъ душевной болѣзни. Нельзя не порадоваться за великихъ поэтовъ прежняго времени, давно уже сошедшихъ въ „снѣгъ смертную“. Появись въ наши дни Данте съ его *Божественною Комедіей*, Мильтонъ съ его *Потерянными Раймъ*, Гете съ его *Фаустомъ*, даже Байронъ съ его *Манфредомъ* и *Каиномъ*, ихъ безъ сомнѣнія засадили бы въ сумасшедшій домъ, какъ одержимыхъ опасною душевною болѣзнию. По мнѣнію *трезвыхъ* мыслителей нашего жалкаго времени, Пушкину въ нормальномъ состояніи духа слѣдовало чертить въ своихъ тетрадахъ карикатуры на кишиневскія власти и посылать ихъ въ *Искру*, которой, къ сожалѣнію, тогда не было. Всякій конечно знаетъ что элементъ называемый г. Анненковымъ „сатанинскимъ“ вовсе не новость въ поэзіи Пушкина, и для открытія его не было надобности прибѣгать къ какому-либо „новымъ документамъ“. Пушкинъ, фантазія котораго отличалась необычайною поэтическою силою, возвращался къ сюжетамъ этого рода не только въ теченіи всего года кишиневской жизни, но и въ теченіи всей своей поэтической

двѣтальности. Къ тридцатымъ годамъ, т.-е. къ періоду полной его зрѣлости, относится произведеніе, несмотря на неоконченность, поразительное по глубинѣ и мощи. Оно извѣстно подъ произвольнымъ, т.-е. придуманномъ издателями, заглавіемъ *Подражаніе Данту*, и состоитъ изъ трехъ набросковъ, изъ коихъ послѣдній мы позволимъ себѣ возобновить въ памяти читателя:

Тогда я демоновъ увидѣлъ чернѣйшій рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалась вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
И разлегалась надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуны ядра,
Пустили внизъ его смердащими когтами;
Ядро запрыгало, и гладкая гора

Звеза, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами;

Схватили подъ руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ лихнули съ крикомъ—
И оба сидючи пустались внизъ стѣпой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ волѣхъ дикомъ;
Стекало ихъ рѣзало, впадалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Десятилѣтній періодъ отдѣляющій эти наброски отъ кинешевскихъ естественнымъ образомъ отразился на болѣе серьезномъ, почти суровомъ ихъ тонѣ и на большей зрѣлости созданія, но по вымыслу и характеру, терцеты эти очевидно относятся къ тому же циклу фантастическихъ композицій котораго г. Анненковъ называетъ „сатанинскими“. Собственно „сатанинскаго“ элемента въ этомъ отрывкѣ (и въ предыдущимъ гдѣ разказывается какъ бѣсы жарилъ на огнѣ ростовщика) никакъ не менѣе чѣмъ въ кинешевской тетради: однако двадцать лѣтъ назадъ г. Анненковъ не только не находилъ въ этихъ стихахъ свидѣтельства о душевной болѣзни Пушкина, но уразумѣвалъ ихъ высокое поэтическое значеніе. Въ своихъ *Матеріалахъ* онъ находилъ въ этихъ произведеніяхъ „совершенно новые, еще неслышанные доселѣ звуки“, называлъ ихъ „спокойными поэтическими разказами,

которые въ невозмутимомъ своемъ теченіи открываютъ мысли читателя далекое, необозримое пространство...“ Двадцать лѣтъ назадъ г. Анненковъ находилъ что стихотвореніе *Подражаніе Данту* „остававливаетъ особенно вниманіе наше тѣмъ что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ какъ артистической способности Пушкина усвоить всѣ формы, такъ и подвижности его таланта... Для простой шутки—прибавлялъ тогда авторъ *Матеріаловъ*—какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму Дантовскаго разсказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится что печеный ростовщикъ, долающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ, уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Рукопись свидѣтельствуеетъ несомнѣнно что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирическою мыслью чѣмъ каксю-либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе, и вмѣсто насмѣшки произвела страницу превосходную, исполненную величія и ужаса.“

Стоитъ сравнить эти строки съ тѣми заключеніями къ которымъ приводятъ г. Анненкова нынче „сатанинскія“ композиціи Пушкина—и для всякаго сдѣлается яснымъ какъ понизилось въ петербургской журналистикѣ пониманіе поэтическихъ явленій не только у новаго поколѣнія, воспитавшагося на отрицательной критикѣ, но и у людей обнаруживавшихъ нѣкогда развитые художественные вкусы. Далѣе мы еще встретимся съ подобными поучительными сопоставленіями, а теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ новыхъ возрѣній выраженныхъ г. Анненковымъ въ *Вѣстникѣ Европы* и касающихся какъ личности самого Пушкина, такъ и вообще литературныхъ движеній того времени.

Биографу Пушкина надо доказать что все внутреннее содержаніе поэта исчерпывалось нѣкоторымъ стихотворнымъ талантомъ, и что затѣмъ въ своемъ міросозерцаніи онъ былъ только продуктомъ жалкой эпохи, не озаренной блескомъ современнаго петербургскаго просвѣщенія, представителемъ невѣжественнаго общества, воспитаннаго на крѣпостномъ правѣ и политическомъ индифферентизмѣ. Въ эти рамки г. Анненковъ уложилъ не только критику общественныхъ идей развившихся въ поэзіи Пушкина, но и критику его характера, его человѣческой личности, которая въ этомъ новомъ освѣ-

щеніи явилась въ свою очередь продуктомъ разнузданныхъ и пошлыхъ инстинктовъ русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Нисколько не провозирая, авторъ заявляетъ что такимъ образомъ онъ намѣренъ „сообщить, по мѣрѣ силъ, ключъ къ пониманію характера поэта и нравственныхъ основъ его жизни“. Онъ находитъ что несмотря на накопленіе новыхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина, „личность поэта остается все-таки смутною и неопредѣленною“, и что „характеристика его, какъ человѣка и замѣчательнаго типа времени, не только не подвинулась впередъ съ эпохи его неожиданной смерти въ 1837 году, но еще спуталась, благодаря тенденціозности однихъ толковъ о немъ и одностороннему панегирическому тону другихъ.“ Г. Анненковъ желаетъ быть разностороннимъ и „установить твердыя очертанія для будущаго облика“. Цѣль достойная всякой похвалы, но къ сожалѣнію довѣріе къ ея исполненію съ самаго начала колеблется въ читателѣ, хотя бы потому только что никто изъ знакомыхъ съ жизнію и поэзіей Пушкина не допуститъ чтобы „твердое очертаніе его облика“ могло выясниться изъ разсмотрѣнія перваго, наименѣе важнаго періода его жизни. Рѣшительныхъ и окончательныхъ чертъ въ характерѣ Пушкина какъ человѣка и поэта можно искать только въ его послѣдніе годы. Извѣстно что вся жизнь Пушкина была непрерывнымъ развитіемъ, и что въ позднѣйшее время онъ упорнымъ и серьезнымъ трудомъ старался пополнить недостатокъ своего школьнаго образованія и вознаградить годы потраченные на увлеченія и разсыянія ранней молодости. Извѣстно что дѣлаясь съ годами немолимо-строгимъ къ самому себѣ, Пушкинъ получилъ даже почти какую-то ненависть къ первому періоду своей жизни, который представлялся ему рядомъ ошибокъ и промаховъ; напомнимъ объ обстоятельствахъ его молодости иногда приводило его въ раздраженіе. Поворотъ въ развитіи поэта начинается именно съ той эпохи на которой предполагаетъ остановиться его біографъ; понятно что при такихъ условіяхъ очеркъ дѣтства и ранней юности Пушкина, вмѣсто того чтобы „установить твердыя очертанія для его облика“, можетъ только сообщить этому облику совершенно ложное освѣщеніе, что и случилось.

На дѣлѣ, г. Анненковъ дѣлаетъ даже нѣчто болѣе того что предположилъ въ предисловіи: онъ ищетъ „ключа“ къ разумнѣйшю нравственной личности поэта не только во впечатлѣніи-

яхъ его дѣтства и ранней молодости, но даже въ личныхъ и фамильныхъ свойствахъ его родителей, такъ какъ, по его мнѣнiю, „не надо быть рынымъ поклонникомъ ученiя о неотразимомъ дѣйствиi физiологическихъ и нравственныхъ свойствъ родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣрить въ возможность фамильной передачи нѣкоторыхъ крупныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли“. Какъ бы съ цѣлью подготовить читателя къ тому маленькому и лошадьному образу въ который имѣетъ сократиться подъ перомъ г. Анненкова личность Пушкина, биографъ выводитъ сначала на сцену дѣйствiя предковъ поэта, Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, подвергая ихъ конечно такой *критической* переработкѣ въ которой эти лица теряютъ уже почти всякое человеческое достоинство. Заручившись для своего героя такими родоначальниками, биографъ уже свободно приступаетъ къ оцѣнкѣ нравственнаго ничтожества самого Пушкина, такъ какъ фамильные элементы „вошли въ составъ нравственнаго существованiя А. С. Пушкина и частiю опредѣлили его“.

Мы могли бы обойти молчанiемъ эту часть труда г. Анненкова, такъ какъ теорiя наследственности нравственныхъ и умственныхъ свойствъ менѣе всего приложима тамъ гдѣ мы встрѣчаемся съ натурами совершенно исключительными, съ организациями одаренными генiальностью, какова была организациа Пушкина. Для всѣхъ, кромѣ нашихъ доморожденныхъ дарвинистовъ, сдѣлалось давно избитою истиной что генiальные люди рождаются всего чаще отъ весьма обыкновенныхъ родителей, и что дѣти великихъ отцовъ также часто ничѣмъ не обнаруживаютъ великихъ наследственныхъ дарованiй. Но старательность, съ которою г. Анненковъ усиливается ополнить до послѣдней стелени личности предковъ нашего поэта, такъ сама по себѣ любопытна что мы не рѣшаемся скрыть ее отъ читателя. Притомъ же, отецъ и дядя поэта, Сергѣй и Василiй Львовичи Пушкины, принадлежатъ русской литературѣ не по одному только кровному родству съ Александромъ Сергѣичемъ. Они принадлежатъ къ одной изъ славныхъ эпохъ нашего духовнаго развитiя, главныя черты которой отпечатлѣлись на нихъ неизгладимымъ образомъ, и потому скромныя личности ихъ, заслоненныя блескомъ генiальнаго сына и племянника, имѣютъ право на наше вниманiе.

Первые удары г. Анненковъ обрушиваетъ на Ганнибало-

выхъ. Родоначальникъ этой фамиліи, знаменитый „Арапъ Петра Великаго“, является въ его характеристикѣ „простодушнымъ, взбалмошнымъ, но счастливымъ (?) авантюристомъ“, не имѣющимъ и тѣни того блеска какимъ окружилъ его полетъ въ своемъ неоконченномъ романѣ. Во Франціи онъ вошелъ не съ придворными регента, а съ незнатною молодежью, и это сотоварищество не могло измѣнить его абиссинскую, мягкую, трусливую, но вмѣстѣ вспыльчивую природу. Напуганный однажды взысканіемъ за самовольное уклоненіе отъ службы, онъ провелъ десять лѣтъ въ постоянномъ трепетѣ за себя и вздрагивая при всякомъ звукѣ почтового колокольчика напоминавшаго ему роковую курьерскую телѣжку. Натура его на всю жизнь сберегла свои родовыя особенности, въ томъ числѣ и наклонность къ невообразимой, необдуманной рѣшимости, что у Французовъ называется „coup de tête“. Біографъ не упускаетъ здѣсь замѣтить что эта черта замѣчалась потомъ у многихъ ближайшихъ потомковъ Абрама Петровича, и замѣняла у нихъ настоящее мужество и нравственную выдержку...

Дѣти знаменитаго „Арапа“ не далеко ушли отъ отца. Одинъ изъ нихъ, Петръ, котораго еще видѣлъ Пушкинъ, занимался перегономъ водокъ и настоекъ, и „занимался безъ устали, со страстью“. Съ этимъ онъ соединялъ жестокость, свойственную всему ихъ роду: „когда бывали сердиты Ганнибалы, всѣ безъ исключенія, то людей у нихъ *выносили на простыняхъ*“. Смыслъ этого крѣпостнаго термина, замѣчаетъ біографъ, достаточно понятенъ и безъ комментаріевъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, дополняетъ тутъ же г. Анненковъ, что Петръ Абрамовичъ долгое время состоялъ подъ судомъ за растрату какихъ-то артиллерійскихъ снарядовъ и былъ отъ него освобожденъ только вліяніемъ своего брата Ивана. Третій братъ, Осиль Ганнибалъ, дѣдъ Пушкина по матери, былъ сорви-голова и ужасъ семьи. Отъ живой жены онъ обвѣнчался съ дѣвушкой, которую обманулъ самымъ наглымъ образомъ, и затѣмъ, сосланный на жительство въ свое имѣніе, могъ предаваться тамъ вполне обычнымъ сельскимъ наслажденіямъ помѣщиковъ того времени. Наконецъ, мать Пушкина, Надежда сиповна, была балованное дитя, окруженное съ малолѣтства угодливіостью, потворствомъ и лестью домашнихъ, что сообщило праву молодой дѣвушки тотъ отгѣнокъ вспыльчивости,

упорства и капризнаго властолюбія который замѣчали въ ней поздыѣ и принимали за твердость характера.

Выводя такую фамильную галерею и снабжая ея членовъ, какъ мы видѣли, весьма рѣшительными характеристиками и довольно законченными образами, г. Анненковъ даже не особенно заботится о томъ чтобы скрыть отъ читателя скудность и сомнительность источниковъ послужившихъ данными для его смѣлыхъ приговоровъ. Что касается родоначальника фамиліи, Абрама Петровича Ганнибала, то тутъ еще встрѣчается нѣчто похожее на документальность, хотя самъ біографъ принужденъ сознаться что личность знаменитаго Африканца (неизвѣстно почему называютъ его негромъ) остается, „несмотря на официальные данныя, все еще съ оттѣнкомъ легенды и преданія“; но чѣмъ ближе къ Пушкину, тѣмъ очерки г. Анненкова все болѣе утрачиваютъ въ основательности, и здѣсь авторъ не можетъ указать другаго источника для своихъ сужденій кромѣ разказовъ какого-то крѣпостнаго слуги Петра Абрамовича, котораго г. Анненковъ зналъ лично.

Покончивъ болѣе или менѣе кавалерскимъ образомъ съ Ганнибалами и доведя фамильную галерею портретовъ до матери поэта, упрямой и капризной „креолки“ (?), біографъ * переходитъ къ Пушкинымъ, къ которымъ не благоволитъ едва ли не болѣе чѣмъ къ Ганнибаламъ. Тутъ онъ на первомъ же шагу встрѣчается съ очевидно неприятнымъ для него фактомъ: когда „скромный, разсѣянный и застѣнчивый гвардейскій офицеръ“, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, посватался за Надежду Осиповну, то дядя ея Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ отозвался о женихѣ: „Онъ не богатъ, но очень образованъ“. Г. Анненковъ какъ бы опасается что иной читатель въ самомъ дѣлѣ сочтетъ Сергѣя Львовича образованнымъ человѣкомъ, и спѣшитъ пояснить отзывъ Ганнибала такимъ образомъ: „Не мудрено что чесменскій воинъ, герой Наварина и пр., принявъ Сергѣя Львовича Пушкина за очень развитаго человѣка. Будущій племянникъ долженъ былъ внушить ему уваженіе какъ представитель новаго поколѣнія, услѣдшаго развиться на другихъ основаніяхъ чѣмъ тѣ которыя суще-

* Г. Анненковъ полагаетъ что „креолы“ означаютъ помѣсь европейской и африканской крови! См. объ этомъ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей*.

ствовали еще въ его собственной, патриархальной, полудикои и полуграмотной средѣ.“ Здѣсь однакоже остается тайной почему именно *нелюдрено* что чесменскій воинъ и герой Наварина и пр. принялъ Пушкина за развитаго человѣка. Значить ли это что чесменскіе воины и герои Наварина вообще не понимали толку въ вопросахъ образованія или что-нибудь другое? Замѣтимъ кстата что и Надежда Осиповна по своимъ умственнымъ качествамъ далеко не была въ возможности оцѣнить своего жениха, и что двадцать лѣтъ назадъ самъ г. Анненковъ, вѣроятно не успѣвъ еще тогда подвергнуть мать Пушкина суду крѣпостнаго лакея, характеризовалъ ее совершенно иначе. Въ своихъ *Материалахъ* онъ описывалъ Надежду Осиповну какъ „женщину умную, прекрасную собой, страстную къ удовольствіямъ и разсвѣянѣмъ общества, какъ и всѣ окружающіе ее, но имѣвшую въ характерѣ тѣ черты которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ, чѣмъ мгновенный гѣвъ и вспышки“ (стр. 10—11 изд. 1873). Читатели конечно замѣтятъ что этотъ отзывъ очень мало согласуется съ новѣйшею характеристикой „молодой *креолки* съ отбѣнкомъ вспыльчивости, упротства и капризнаго властолюбія“.

Впрочемъ, самыя густыя краски г. Анненковъ приберегъ для Сергѣя и Василя Львовичей Пушкиныхъ. Здѣсь онъ даетъ полный просторъ своему юмору. Братья представляются г. Анненкову рѣшительно чѣмъ-то въ родѣ старичковъ Карсановыхъ русской литературы. Его смѣшать даже то что они получили полное французское воспитаніе, какъ будто дѣло идетъ вовсе не о людяхъ восемнадцатаго вѣка, когда въ Россіи и французское-то воспитаніе, а тѣмъ болѣе полное, было значительною рѣдкостью. Они могли—пронизуруетъ господинъ Анненковъ—бойко размышлять (не разсуждать ли?) о серьезныхъ вещахъ съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдняго прочитаннаго романа или гдѣ-нибудь перехваченнаго сужденія; знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и сами писали стихи. Можно подумать что г. Анненковъ былъ бы болѣе доволенъ еслибы братья Пушкины вмѣсто умныхъ изреченій знали глупыя, и вмѣсто острыхъ словъ тупыя... Вообще нельзя не удивляться той легкости съ какою современная петербургская критика, говоря о явленіяхъ давно минувшаго, высказываетъ изъ историческаго круга и судить о

людяхъ XVIII вѣка такъ какъ еслибы между ними и нами не лежало почти цѣлое столѣтiе. Г. Анненкову повидимому кажется что литература начала нынѣшняго столѣтiя, литература Жуковскаго и Карамзина, не только не имѣеть никакого значенiя предъ нынѣшнимъ петербургскимъ просвѣщенiемъ, но даже и для своего времени была такъ ничтожна что ею могли интересоваться только люди совершенно пустые какими ему представляются братья Пушкины, эти старички-Кирсановы исчезнувшаго поколѣнiя. Онъ не можетъ скрыть отъ читателя что „домъ Сергѣя Львовича въ Москвѣ дѣйствительно посѣщаемъ былъ членами того блестящаго литературнаго круга который въ началѣ столѣтiя образовался тамъ около Карамзина“; онъ свидѣтельствуетъ что „въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчаются самыя почетныя имена того времени: Жуковскiй, А. Тургеневъ, Дмитрiевъ и пр. вмѣстѣ съ именами заѣзжихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ“. Но ему чѣмъ-то очень смѣшнымъ представляется жизнь Пушкиныхъ среди этого избраннаго круга, ихъ неравнодушiе къ литературнымъ интересамъ, ихъ стремленiе окружить себя блестящими представителями просвѣщенiя того времени. „Никто, говоритъ онъ съ иронiей, больше ихъ не ревновалъ и не хлопоталъ о русской образованности“; „онъ заслуживалъ—повторяетъ потомъ г. Анненковъ о Василии Львовичѣ—благодарности литераторовъ за неослабное свое хлопотанiе около нихъ и около русской литературы вообще, въ теченiи добрыхъ двадцати пяти лѣтъ“. Современный критикъ рѣшительно не можетъ понять этого сильнаго литературнаго интереса наполнявшаго жизнь образованныхъ людей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтiя. Его изумляетъ что Василий Львовичъ, уже едва двигаясь отъ подагры, не переставалъ толковать о русскихъ журналахъ, и однажды, во время сильнѣйшаго припадка болѣзни, улучилъ минуту сказать окружающимъ: „какъ скучны статьи Катенина объ испанской литературѣ!“

Г. Анненковъ соглашается что отвращенiе братьевъ Пушкиныхъ отъ деревенской жизни было своего рода прогрессомъ, потому что помогло имъ освободиться отъ замашекъ и привычекъ тогдашняго помѣщичьяго быта; но онъ тутъ же прибавляетъ что этотъ прогрессъ, по крайней своей ничтожности и ограниченности, мало измѣнялъ всѣ другiя нравственныя стороны человѣка и ничего не измѣнялъ въ положенiи людей зависѣвшихъ отъ нашихъ „утонченныхъ земле-

владѣльцевъ“ (позволительно думать однако что положеніе этихъ людей нисколько не было бы лучше еслибы они находились во власти землевладѣльцевъ менѣе утонченныхъ) Г. Анненковъ даже рѣшается сказать что когда для спасенія нижегородскаго имѣнія Пушкиныхъ туда посланъ былъ дѣльный управляющій, то онъ просто бѣжалъ оттуда при видѣ страшнаго раззоренія крестьянъ, „въ которое они были погружены безпечностью и *образованными* стремленіями помѣщика“. Какъ ни оригинальна эта смѣлая мысль—приписать раззореніе крестьянъ образованнымъ стремленіямъ помѣщика, но еще оригинальнѣе то что г. Анненковъ тутъ смѣется надъ небогатымъ образомъ жизни Сергѣя Львовича въ столицѣ, и не хуже иной провинціальной барыни пустословить о недостаточности посуды въ его буфетѣ и о ветхости рыдвановъ въ которыхъ онъ и его жена ѣздили по Москвѣ „на тощихъ клячахъ“. Вотъ съ чѣмъ могла, восклицаетъ въ негодованіи г. Анненковъ, уживаться претензія на образованность! Сопоставляя это заглядыванье въ буфеты и въ конюшни Сергѣя Львовича съ тѣмъ что сказано о раззореніи Болдинскихъ крестьянъ вслѣдствіе *образованныхъ* стремленій утонченнаго землевладѣльца, приходится заключить что капитальная вина Пушкина-отца въ глазахъ современнаго біографа заключалась въ скопленіи громадной бібліотеки, такъ какъ мы не видимъ чтобъ онъ позволялъ себѣ какую-нибудь другую роскошь для удовлетворенія своихъ образованныхъ стремленій. Предоставляемъ судить читателямъ насколько пріобрѣтеніе книгъ для фамильной бібліотеки можетъ быть названо предосудительнѣе тратъ на столовую сервировку и на новомодныя кареты.

Г. Анненковъ утверждаетъ что братья Пушкины понимали подъ образованностью „сближеніе съ аристократическими кругами нашего общества и поддѣлку подъ ихъ образъ жизни, составленіе важныхъ связей, перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, поддержку литературныхъ знакомствъ и добываніе чрезъ ихъ посредство слуховъ и новинокъ для неумолкаемыхъ бесѣдъ, для умноженія шума и говора столицы.“ Нельзя не думать что еслибы братья Пушкины были заняты погоней за вѣтшнимъ аристократизмомъ въ томъ смыслѣ какъ это предполагаетъ г. Анненковъ, еслибы ихъ интересовало на первомъ планѣ перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, они конечно прежде всего озаботились бы ремонтомъ своихъ экипажей и своей сервировки; а то недостатокъ стакановъ, ветхіе рыдваны, тощія

клячи и старыя ливреи слугъ (при весьма достаточныхъ средствахъ, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ) какъ-то плохо вяжутся съ стремленіемъ втянуться въ модный свѣтъ.

Мы не хотимъ сказать чтобы данныя на которыхъ основываетъ біографъ Пушкина свои заключенія были невѣрны; несообразность заключается не въ фактахъ, а въ общемъ непониманіи эпохи. Противорѣчія исчезнуть сами собою если мы уяснимъ себѣ что мнимая погоня Пушкиныхъ стариковъ за высшимъ свѣтомъ была въ сущности погоней за высшимъ образованіемъ, и что если тотъ и другое совмѣщались въ одномъ, то это было результатомъ историческихъ условій сопутствовавшихъ у насъ водворенію европейскаго просвѣщенія. До тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, то-есть до тѣхъ поръ пока наши университеты не усвоили себѣ европейскую науку, просвѣщеніе наше отличалось преимущественно дилеттантскимъ характеромъ и встрѣчало наиболѣе воспримчивую почву именно въ высшихъ слояхъ общества. Эпоху къ которой исторически относится предметъ нашей рѣчи можно назвать эпохой образованнаго дилеттантизма по преимуществу. Экономическія условія, дѣлавшія доступъ къ просвѣщенію наиболѣе удобнымъ для помѣщичьяго класса, господство во всей Европѣ французской литературы, отличавшейся наиболѣе дилеттантскимъ характеромъ и не требовавшей отъ читателя серіозной научной подготовки, примѣръ и преданія Екатерининскаго двора, положеніе эмигрантовъ и завѣзжихъ ученыхъ и артистовъ, примыкавшихъ съ перваго вступленія на русскую почву къ нашему большому свѣту — всѣ эти условія, дѣйствуя вмѣстѣ, сблизили съ интересами просвѣщенія вершины нашего общества, въ то время какъ масса продолжала еще коснѣть въ невѣжествѣ. Большой свѣтъ и просвѣщеніе, преимущественно французскаго характера, тѣсно саялись между собою и образовали тотъ оригинальный складъ жизни, тотъ просвѣщенный аристократизмъ, которые такъ своеобразно отмѣтили Екатерининскую и Александровскую эпохи нашего развитія. Принадлежать литературѣ и просвѣщенію въ то время значило принадлежать большому свѣту, и послѣдній съ полною готовностью шелъ на встрѣчу всякому таланту и всякому выдающемуся уму. Возникла тѣсная связь привычекъ и потребностей образованности съ нравами и условіями большого свѣта: Карамзинъ, Жуковский, Дмитріевъ, Тургеневъ, Чаадаевъ

принадлежали къ лучшему обществу не столько въ силу своего происхожденія сколько по образованію и талантамъ; всякій зналъ что для общенія съ лучшими умами эпохи необходимо вращаться въ столичномъ большомъ свѣтѣ и раздѣлять его привычки, интересы, его образъ жизни. По взгляду г. Анненкова, братья Пушкины были не болѣе какъ „люди страстно искавшіе всю свою жизнь гостивыхъ и эффектныхъ бесѣдъ, переносившіе удачное бонмодъ, предъ ними сказанное, изъ дома въ домъ и съ своей стороны, сами занятые, для потѣхи другихъ, тѣмъ что Французы называютъ дѣланіемъ ума, faire de l'esprit“. Современнаго литератора особенно поражаетъ въ этихъ людяхъ то что они не имѣли времени для своихъ собственныхъ дѣлъ—черта дѣйствительно совершенно чуждая нынѣшнему поколѣнію, но тѣмъ не менѣе едва ли дающая право къ заключенію къ какому приходитъ г. Анненковъ — именно, будто жизнь оставила Пушкиныхъ подъ конецъ „матеріально и умственно разбитыми и несостоятельными“. Мы знаемъ, напротивъ, что Сергѣй и Василій Львовичи сохранили до глубокой старости извѣстную свѣжесть души и романтическое пренебреженіе къ обдѣлыванью собственныхъ дѣлашекъ, столь возмущающее современнаго литератора.

Еслибы г. Анненковъ ограничился выраженіемъ свисходительнаго пренебреженія къ этимъ романтическимъ элементамъ въ натурѣ братьевъ Пушкиныхъ, такое пренебреженіе свидѣтельствовало бы только объ огромномъ нравственномъ переломѣ происшедшемъ во вкусахъ, понятіяхъ и нравахъ нашего общества. Но г. Анненковъ идетъ значительно далѣе. и не только лично не одобряетъ господства литературныхъ и вообще культурныхъ интересовъ въ домѣ Пушкиныхъ, но даже полагаетъ что это явленіе дурно оразилось на будущемъ поэтѣ. Біографъ Александра Сергѣевича Пушкина повидимому не допускаетъ чтобы царившее въ домѣ отца вѣяніе поэзіи и образованности, общеніе съ литературными знаменитостями, доступъ въ громадную фамилію библіотеку, могли ускорить пробужденіе поэтическихъ струнъ въ душѣ мальчика и сообщить ему страстное увлеченіе литературными интересами. Напротивъ, всѣ эти условія первоначальнаго воспитанія представляются біографу въ самомъ зловѣщемъ видѣ, быть-можетъ именно потому что г. Анненковъ смогнуть

на Пушкина вовсе не какъ на поэта, и добивается отъ него чего-то такого что вовсе не связано съ его поэтическимъ призваніемъ. Первоначальное воспитаніе Пушкина конечно было очень неправильное и не выдерживаетъ никакой педагогической критики; но не должно забывать что въ то время наша школьная наука вовсе не имѣла того образовательнаго значенія какое стремятся придать ей теперь. и дѣти развивались на чтеніи, а не на классномъ обученіи.

Г. Анненковъ не ограничивается впрочемъ одними предположеніями о „нездоровомъ“ вліяніи домашняго воспитанія на Пушкина, но тутъ же рисуетъ довольно яркими красками тѣ страшныя искаженія которымъ вслѣдствіе этихъ вліяній подверглась, по его мнѣнію, нравственная природа мальчика. Изображенія его такого рода что въ представленіи много легковѣрнаго читателя Пушкинъ можетъ преобразоваться въ нѣкоторое нравственное чудовище, способное навести суевѣрный ужасъ. Всѣ настойчивыя требованія родителей, обращаемыя къ ребенку, приводили, по свидѣтельству г. Анненкова, только къ одному результату—къ яростному отлору. Молодое сердце, уже способное ко враждѣ и ненависти (это въ десятилѣтнемъ ребенкѣ!), начинало не скрывать своихъ чувствъ. Родители подъ конецъ должны были придти къ заключенію о несчастной извращенной природѣ мальчика, и послѣ сожалѣнія и негодованія достигъ наконецъ отвращенія и ужаса. Такъ оно, прибавляетъ г. Анненковъ, въ самомъ дѣлѣ и случилось—*если мы не ошибаемся.*

Это *если мы не ошибаемся* поистинѣ превосходно. Биографъ Пушкина полагаетъ что онъ можетъ не только предаваться собственнымъ измышленіямъ о „несчастной извращенной природѣ“ гениальнаго ребенка, но даже приписывать свои заключенія его родителямъ единственно потому что ему такъ кажется и такъ хочется... Онъ словно не понимаетъ что дурное мнѣніе родителей, каковы бы они ни были, имѣетъ въ глазахъ каждаго двойной авторитетъ, потому что со стороны родителей естественно ожидать наибольшей любви къ своему дитяти, и только уже крайняя, безнадежная испорченность послѣдняго можетъ внушить отцу и матери „отвращеніе и ужасъ“. Г. Анненковъ полагаетъ что выступая со свидѣтельствомъ подобнаго рода, онъ не обязанъ предъявить какія бы то ни было доказательства; онъ только небрежно даетъ понять

что быть-можетъ онъ и ошибается... Да, впрочемъ, что за важность!

Любопытно что г. Анненковъ, наводя на тѣнь Пушкина весьма недвусмысленныя подозрѣнія и тщательно собирая въ свѣдѣніяхъ о немъ все то что отвѣчаетъ этимъ подозрѣніямъ, въ то же время не признаетъ ни за кѣмъ кромѣ себя права чернить эту великую личность, и приведя напримѣръ замѣтку Энгельгарта о холодности сердца у Пушкина, относить ее къ числу тѣхъ странныхъ рѣшеній которыя во все времена слышались отъ официальныхъ педагоговъ относительно замѣчательныхъ дѣтей и которыя потомъ удивляли потомство своею неосновательностью. Онъ словно совсѣмъ забылъ что за нѣсколько страницъ предъ тѣмъ самъ изобразилъ Пушкина нравственнымъ чудовищемъ, внушавшимъ отвращеніе и ужасъ даже роднымъ отцу и матери! Вообще г. Анненковъ, нисколько не стѣсняясь тѣми красками какія въ своемъ изображеніи накладываетъ на личность Пушкина, весьма часто толкуетъ о „свѣтлой, изящной сторонѣ его натуры“ и о его симпатическомъ образѣ, тщательно избѣгая однакоже указать хотя бы одну свѣтлую черту въ этомъ образѣ... Но мы впередъ уже не будемъ останавливаться на подобныхъ противорѣчіяхъ, такъ какъ ими наполнена вся новая работа автора *Матеріаловъ*.

Не трудно предположить съ какимъ колоритомъ пустоты и ничтожества должны были выступить въ очеркахъ г. Анненкова лицейскіе годы Пушкина, отбросившіе такой горячій свѣтъ на всю послѣдующую жизнь его. Разъ утвердившись на той точки зрѣнія которая судить прошедшее съ высоты настоящаго и которая неизмѣнно прилагается къ нашей старой литературѣ критиками и историками *Вѣстника Европы*, г. Анненкову не трудно было показать несостоятельность лицейской науки и лицейскаго воспитанія и безодержательность занятій поэзіей, въ которыхъ, какъ извѣстно, лицеисты перваго выпуска искали дополненія къ своей довольно скудной классной наукѣ. Что преподаваніе въ Царскосельскомъ лицей было мало удовлетворительно съ точки зрѣнія нынѣшнихъ научныхъ и педагогическихъ требованій, что профессора и воспитатели этого заведенія большею частью не отвѣчали своему призванію, что въ самую организацію лица допущены были такіе элементы которыхъ не

одобрить нынче ни одинъ серьезный педагогъ—все это ни для кого уже не новость; но весьма странно что біографъ Пушкина, указывая на недостатки лицея, оставляетъ безъ всякаго вниманія то обстоятельство что многія подробности и особенности лицейской жизни, при всей ихъ педагогической несостоятельности, были несомнѣнно сильными двигателями въ поэтическомъ развитіи Пушкина. Нельзя не подивиться той сбивчивости понятій какая очевидно присутствуетъ въ представленіи г. Анненкова о нѣкоторыхъ выдающихся явленіяхъ лицейской жизни, и въ особенности о литературномъ направленіи господствовавшемъ между воспитанниками перваго выпуска. Самъ онъ говоритъ что этимъ направленіемъ лицей „спасался отъ полной нравственной пустоты“, прибавляетъ что на основаніи литературныхъ работъ лицеистовъ „нѣкоимъ образомъ нельзя было питать слишкомъ радужныхъ надеждъ на будущность молодыхъ авторовъ процвѣтавшихъ въ этомъ разсадникѣ романсеровъ и эпиграммистовъ“ (sic). Повидимому, изъ соображеній г. Анненкова ускользаетъ тотъ фактъ что Царко-сельскій лицей въ своей учебной организаціи совершенно соответствовалъ дилеттантскому характеру нашего просвѣщенія той эпохи (мы имѣемъ въ виду высшій слой общества), и всѣ явленія его внутренней жизни, въ томъ числѣ и уклоненіе воспитанниковъ въ область поэзіи, были результатомъ этого дилеттантизма. Судить о томъ что было бы съ Пушкинымъ и его сверстниками при другомъ характерѣ заведенія, а тѣмъ болѣе при сообразной съ нынѣшними требованіями учебной организаціи—нѣтъ никакихъ данныхъ и было бы совершенно празднымъ дѣломъ. Но очевидно что въ томъ лицей какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, литературное направленіе явилось результатомъ значительной зрѣлости учащагося въ немъ юношества не находившаго въ классной наукѣ полного удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ, и Карамзинъ былъ конечно правъ привѣтствуя это движеніе какъ основаніе для большихъ надеждъ возлагавшихся правительствомъ и обществомъ на этотъ „разсадникъ романсеровъ и эпиграммистовъ“. Что дѣлать—такое странное было тогда время что въ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ радовались появленію молодыхъ людей съ литературнымъ дарованіемъ...

Еслибы біографъ Пушкина внимательнѣе останавливался даже на тѣхъ фактахъ которые онъ отмѣчаетъ въ своихъ

очеркахъ, онъ безъ сомнѣнiя имѣлъ бы много случаевъ притя къ нѣкоторому раздумью надъ несходствомъ эпохъ и совершенно особенными, не подходящими подъ современную школьную жизнь условiями, внесенными въ лицей его исключительнымъ положенiемъ и явленiями времени. У г. Анненкова мы находимъ, напримѣръ, свидѣтельство что „въ средѣ лицействовъ по временамъ обнаруживалась и долго жила настоящая любовь: многимъ изъ нихъ были уже совершенно извѣстны всѣ муки любви обращенной къ далекому, недостижимому предмету и всѣ обычныя сопутницы такой любви—равность, грусть, вѣсныя страданiя и безпричинные восторги—словомъ, они переживаютъ еще въ стѣнахъ заведенiя полную исторiю молодыхъ проснувшихся страстей.“ Нѣтъ ничего легче какъ наговорить по поводу этого обстоятельства множество основательнѣйшихъ соображенiй ненормальности такого явленiя, о вредѣ его для цѣлей воспитанiя и т. д. Но дѣло не въ томъ что эта черта старой лицейской жизни была дурна въ педагогическомъ смыслѣ; важно имѣть въ виду то что она *невозможна* въ настоящее время, по крайней мѣрѣ невозможна какъ явленiе общее. То было одно поколѣнiе теперь другое, то была одна жизнь, теперь другая...

Преждевременная зрѣлость Пушкина и его товарищей, бывшая слѣдствiемъ особенныхъ условiй эпохи, предварительнаго воспитанiя и дилеттантскаго характера образованiя какъ въ самомъ обществѣ такъ и въ стѣнахъ лицея, отразилась въ очеркахъ г. Анненкова только одною и наименѣе благовидною стороною своей. Авторъ нашъ явился неумолимымъ обличителемъ извѣстнаго эпикуреизма въ лицейской жизни, упустивъ изъ виду что это явленiе необходимо разсматривать въ связи съ прочими условiями лицейскаго существованiя, такъ какъ оно было только однимъ изъ проявленiй общей равновременной возмужалости даровитаго юношества воспитывавшагося въ царскосельскихъ садахъ. Замѣтимъ что это юношество едва ли можетъ нести отвѣтственность за развлеченiя эпикурейскаго характера въ виду опасной свободы которая была предоставлена ему въ стѣнахъ заведенiя и тѣхъ соблазновъ которыми оно было окружено: по непростительной небрежности и легкомыслию воспитателей. Если профессоръ математики выслушивалъ на лекцiи и самъ разказывалъ фривольные анекдоты, а профессоръ философи

допускалъ у себя устройство тайныхъ ученическихъ пирушекъ, то что не удивительнаго если лицеисты были обычными посетителями всѣхъ парадовъ и гуляній въ Царскомъ Селѣ, а воспитанники старшаго курса посѣщали кутежи и пирушки гусарскихъ офицеровъ и ухаживали за горничными и актрисами! Все это было только внѣшнее, грубое проявленіе возмущалости, и вина въ немъ лежитъ всецѣло на невозможной воспитательной системѣ и на неудовлетворительности учебной организаціи.

Умственный и нравственный запасъ съ которымъ поэтъ, по выходѣ изъ стѣнъ лицея, вступалъ въ петербургскій свѣтъ былъ конечно не всеобъемлющъ. Духовныя пріобрѣтенія Пушкина заключались по преимуществу все въ той же поэтической организаціи которой лицейская жизнь только помогла уяснить себѣ настоящее призваніе, и въ той нравственной живучести которая спасала человека посреди увлеченій и сшибокъ. Г. Анненковъ очень справедливо замѣчаетъ что Пушкинъ всего сильнѣе чувствовалъ отвращеніе къ крайностямъ и увлеченіямъ когда они всего сильнѣе овладѣвали его умомъ и сознаніемъ. Благодаря этой нравственной живучести своей природы, Пушкинъ могъ безъ всякой для себя опасности прикасаться къ такимъ струнамъ жизни которыя на всякаго другаго положили бы роковой отпечатокъ. Разсѣванія столичной жизни были для него такъ-сказать только верхнимъ теченіемъ, подъ которымъ еще протекалъ глубокій кристалльный токъ недостижимый ни для какого мутнаго водоворота. „Въ немъ, какъ опять справедливо замѣчаетъ г. Анненковъ, смолоду жила страстная, мучительная потребность извѣдать всѣ стороны и слои общества, какъ и всѣ раздражающія удовольствія и всѣ впечатлѣнія и уроки какіе они могутъ дать... Пушкинъ физически страдалъ и задыхался когда осужденъ былъ на долгое время жить въ одной и той же обстановкѣ, довольствоваться однимъ и тѣмъ же рядомъ знакомствъ, связей и впечатлѣній.“ Надо только удивляться какимъ образомъ г. Анненковъ умѣетъ совмѣстить такое вѣрное пониманіе артистической натуры Пушкина и ея художественныхъ потребностей съ тѣмъ страннымъ біографическимъ приемомъ которымъ на внутреннія силы поэта даются мимоходомъ лишь кое-какіе краткіе намеки, тогда какъ десятки страницъ подъ-рядъ заняты подробностями о совершенно несерьезной сторонѣ его жизни—

подробностями имѣющими по преимуществу характеръ какой-то сплетни. Къ послѣднимъ смѣло можно отнести напримѣръ соображенія біографа о томъ держалъ ли себя Пушкинъ въ аристократическомъ обществѣ съ сохраненіемъ своего личнаго достоинства—соображенія, которымъ г. Анненковъ подсказываетъ разумѣется отрицательное рѣшеніе, безъ всякихъ впрочемъ фактическихъ основаній. „Сколько можеть судить, говоритъ онъ, ему (Пушкину) пришлось на первыхъ порахъ испытать досадное чувство оскорбленной гордости, познакомившись съ приемами спѣсиво-вѣжливаго обращенія“ и т. п. И на чемъ же г. Анненковъ основываетъ свою догадку? „По крайней мѣрѣ, продолжаетъ онъ, такъ можно заключить по глубокой проницательности съ которою онъ говорилъ позднѣе о *своемъ люцианствѣ* и въ прозѣ, и въ стихахъ, а всего болѣе по страстной защитѣ историческихъ родовъ, приниженныхъ обстоятельствами“ и т. д. Такой порядокъ доказательствъ едва ли покажется кому-нибудь убѣдительнымъ, тѣмъ болѣе что за нѣсколько страницъ предъ тѣмъ самъ г. Анненковъ свидѣтельствуетъ что Пушкинъ даже въ позднѣйшее время „носилъ на себѣ внѣшній видъ либерала 20хъ годовъ“, и что „его горделивый способъ держаться на глазахъ свѣта и въ сншеніяхъ съ вліятельными людьми постоянно давать имъ чувствовать свои права на самостоятельное обсужденіе ихъ мнѣній и постулковъ—обличали въ немъ человѣка Александровской эпохи“. Подобныя противорѣчія, сопоставленныя на одномъ печатномъ листѣ, могутъ казаться просто невѣроятными, но такова уже *вторая метода* г. Анненкова, приобретенная имъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ его *Матеріаловъ*.

Мы привели намекъ г. Анненкова на особую сторону въ дѣятельности Пушкина, которую онъ называетъ защитою историческихъ родовъ, приниженныхъ обстоятельствами, и въ которой наша литература неоднократно старалась видѣть признаки ненавистнаго для журнальной черни аристократизма. Вопросъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго поясненія. Г. Анненковъ думаетъ что вращаясь между членами тайныхъ обществъ, Пушкинъ подпалъ вліянію аристократической идеи, которая „способна была своимъ обманчивымъ видомъ сочувствія къ интересамъ обдѣленныхъ классовъ возбуждать энтузіазмъ въ молодыхъ и безкорыстныхъ сердцахъ“, и что „можно сказать съ достовѣрностью что еслибы Пушкину удалось пробратъся

въ область заговора, какъ онъ домогался, то онъ вошелъ бы въ него подъ знаменемъ аристократическаго радикализма.“ Едва ли это примѣнимо къ тому что мы знаемъ о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, выраженныхъ имъ во многихъ замѣткахъ и въ перепискѣ съ друзьями. Самъ г. Ачневковъ, упоминая объ „обманчивомъ“ сочувствіи къ обдѣленнымъ классамъ, на приманку котораго будто бы поддакъ Пушкинъ, по обыкновенію тотчасъ же забываетъ свои слова и замѣчаетъ съ полною справедливостью что сочувствіе Пушкина было направлено на „скромное, трудящееся, ученое наше дворянство,“ въ которомъ онъ видѣлъ „естественнаго покровителя и воспитателя народныхъ массъ“. Таково и было въ дѣйствительности политическое воззрѣніе Пушкина на роль нашего средняго дворянства,—воззрѣніе, послужившее потомъ поводомъ къ столькимъ недоразумѣніямъ и клеветамъ. Настоящій смыслъ такъ-называемаго аристократизма Пушкина очень опредѣленно выразился въ его полемической замѣткѣ, вызванной нападками тогдашнихъ журналовъ на трехъ поэтовъ считавшихся „баричами большого свѣта“—Пушкина, князя Вяземскаго и Баратынскаго. „И на кого журналисты наши нападаютъ?—писалъ въ этой замѣткѣ Пушкинъ.—Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петрѣ I и императорахъ, и по большей части составляющее нашу знать—истинную, богатую и могущественную аристократію. *Pas si bête!* Наши журналисты предъ это мѣ дворянствомъ вѣжливъ до крайности. Она нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ по прочтѣніи раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго по тѣлѣ, состоянію почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія къ которому принадлежатъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ официальной газетѣ) не хорошо...“ Въ этомъ среднемъ дворянствѣ Пушкинъ видѣлъ цвѣтъ нашего народа и змогу нашего будущаго гражданскаго преуспѣванія. Съ прозорливостью почти нѣ изумительною, за много дѣсятковъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ, предчувствовалъ онъ что эта великая реформа можетъ осуществиться только просвѣщеннымъ содѣйствіемъ средняго дворянства, отстоявшаго въ XVIII вѣкѣ всю независимость отъ посягательствъ олигархіи. „Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, писалъ Пушкинъ, то владыцы душъ, сильные своими правами, весьма силами затруд-

или бы и даже уничтожили бы способы освобождения людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынѣ же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“... Этихъ прекрасныхъ строкъ кажется было бы достаточно чтобы разсѣять и всѣ клеветы накопившіяся въ нашей журналистикѣ относительно политическихъ и гражданскихъ идей Пушкина. Въ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ того времени никто не возвышалъ голоса болѣе благороднаго и просвѣщеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чуждаго тенденціозной узкости или мечтательнаго недомыслия... Съ такими твердыми и свободными въ лучшемъ значеніи этого слова, воззрѣніями, Пушкину не было надобности примыкать къ существовавшимъ тогда тайнымъ политическимъ обществамъ: они нисколько не расширили бы его кругозора. Наша журналистика, какъ извѣстно, очень любитъ возвращаться къ вопросу: какимъ образомъ могло случиться что Пушкинъ, „омываемый со всѣхъ сторонъ волнами заговора“, не попалъ въ его водоворотъ?—прочемъ критики и историки нашихъ дней, въ родѣ г. Пылина, не конфузятся намекать что Пушкинъ не подходилъ къ требованіямъ декабристовъ по своей политической неблагонадежности и своему недоразвитію. Пусть читатели сравнятъ только-что приведенныя слова поэта съ бессодержательностью и вздорностью говорившагося и писавшагося въ тайныхъ обществахъ, и имъ не трудно будетъ рѣшить кто кого переросъ въ гражданскомъ развитіи. Пушкинъ или его политическіе друзья двадцатыхъ годовъ. Замѣтимъ ксгати что необыкновенно важныя свѣдѣнія о декабристахъ сообщенныя г. Кропотовымъ въ январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (изъ біографіи М. Н. Муравьева) проливаютъ на этотъ вопросъ совершенно новый свѣтъ. Нѣкоторый престижъ окружавшій въ нашемъ общественномъ сознаніи жертвъ 14го декабря долженъ нынче значительно разсѣяться. Послѣ приводимыхъ г. Кропотовымъ данныхъ становится очевиднымъ что наиболѣе благоразумные

члены тайныхъ обществъ были совершенно несостоятельны для своего замысла по недостатку самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о Россіи и скудости своего политическаго образованія вообще; лица же принимавшія наибольшее участіе въ предполагаемомъ переворотѣ, какъ на примѣръ Пестель, скрывали въ себѣ такъ много низости, своекорыстнаго честолюбія и предательства что зная хоть немного Пушкина, они конечно не могли и думать посвятить его въ свои тайные планы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія что благородная натура поэта отстранила бы отъ себя съ глубокимъ омерзѣніемъ дѣло въ которое входило преданіе русскихъ областей Полякамъ, или планы Пестеля привлечь къ себѣ народныя симпатіи вѣроломною расправой съ наущенными имъ же самимъ политическими убійцами въ случаѣ успѣха замысла.

Съ отъездомъ Пушкина на югъ Россіи, манера его біографа отыскивать въ своемъ героѣ лишь черты болѣе или менѣе подозрительнаго характера и тщательно обходить все то что существенно важно для уясненія его поэтическихъ заслугъ, уже очень мало маскируется. Г. Анненковъ не забываетъ и въ этой части своего труда заявить, въ видѣ оправданія, что указаніе мимолегкихъ и случайныхъ настроеній въ душѣ и въ мысли Пушкина не можетъ „въ глазахъ мыслящаго человѣка измѣнить или отнять хоть одну черту изъ того свѣтлаго образа его симпатической личности, постоянно выражавшей чистѣйшія стремленія человеческой души, который сложился въ представленіи публики и ничѣмъ потрясенъ быть не можетъ.“ Но эта отговорка едва ли кого-нибудь введетъ въ заблужденіе. Біографу Пушкина очевидно очень вредитъ эта увѣренность въ непоколебимости „свѣтлаго образа симпатической личности“, сложившагося въ представленіи публики, такъ какъ онъ, вѣроятно благодаря этой увѣренности, считаетъ нужнымъ быть необыкновенно краткимъ когда дѣло касается блестящихъ сторонъ въ природѣ и жизни поэта, и необыкновенно пространномъ какъ скоро представляется возможность раздуть нѣкоторыя тѣни въ этой жизни и личности. Приемы практикуемые въ *Вѣстникѣ Европы* г. Пыльнымъ находятъ въ г. Анненковѣ очень ревностнаго послѣдователя. Подобно тому какъ авторъ *Характеристики литературныхъ мнѣній*, вмѣсто разъясненія художественныхъ заслугъ Гоголя, за вѣся составленіемъ спи-

ска полученныхъ имъ отъ двора денежныхъ пособій, такъ и г. Анненковъ, упомянувъ вскользь о жизни Пушкина въ Пятигорскѣ и въ Крыму, столь плодотворно подѣйствовавшей, какъ извѣстно, на его поэтическую производительность, не счелъ вужнымъ остановиться на этомъ тихомъ и художественно-свѣтломъ періодѣ его жизни; по его мнѣнію, *самый важный фактъ* этого времени тотъ что Пушкину было выдано на дорогу отъ правительства тысяча рублей. Что же это, какъ не Пылицинская исторія литературы съ точки зрѣнія „грамотныхъ прапорщиковъ“ или по крайней мѣрѣ формулярнаго списка и приходо-расходной тетради?

Мы готовы даже сказать что г. Анненковъ иногда заходитъ гораздо далѣе г. Пылина. По крайней мѣрѣ послѣдній, разоблачая несостоятельность Пушкина по части освободительныхъ идей и всего того съ чѣмъ несется петербургская журналистика, повидимому признаетъ за поэтомъ полный авторитетъ въ области чистого поэтической. Г. Пылицъ, сколько мы припоминаемъ, не доходилъ напримѣръ до того чтобъ обвинять Пушкина въ непониманіи Байрона, въ искаженіи байронизма. Г. Анненковъ рѣшительнымъ образомъ вытѣсняетъ бѣднаго русскаго поэта даже и изъ этой области, казалось бы столь малоцѣнной въ глазахъ современнаго журнализма. Оказывается что Пушкинъ былъ только выразителемъ того дикаго искаженія какое потерпѣлъ байронизмъ въ нашемъ обществѣ; у автора *Джиганъ и Кавказскаго Пльнника* отнимается даже заслуга первой успѣшной акклиматизаціи англійскаго барда на неблагоприятной почвѣ русской поэзіи. Въ русскомъ обществѣ и безъ Пушкина существовалъ уже какой-то особенный, совершенно нечлѣвный и даже гнусный байронизмъ, и Пушкинъ только отразилъ его въ своей поэзіи, въ своемъ характерѣ и въ своихъ поступкахъ. Заблуждаютъ тѣ кто полагаютъ что извѣстное направленіе въ нашей поэзіи двадцатыхъ годовъ было результатомъ вліянія лѣвца Чайльдъ-Гарольда. „Байронизмъ русскій вообще и Пушкина въ особенностъ, замѣчаетъ г. Анненковъ, имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На нашей почвѣ байроническое настроеніе приобрѣло такія родовыя черты, такую чисто мѣстную національную окраску, и въ крайнихъ своихъ порывахъ отгнѣялось такими своеобразными, иногда свирѣпыми и вообще анти-гуманными подробностями.“

стями, что изученіе *нашего* байронизма становится дѣломъ крайне любопытнымъ и поучительнымъ“. Изученіе этого крайне - любопытнаго и поучительнаго явленія ограничивается однако жъ у г. Анненкова цитатой изъ какого-то страннаго письма, неизвѣстно кѣмъ написаннаго и затерянагося въ бумагахъ Пушкина; по крайней мѣрѣ, никакихъ другихъ данныхъ и даже указаній на какіе-нибудь факты мы не находимъ въ статьѣ г. Анненкова, и все что онъ говоритъ объ искаженіи байронизма въ русскомъ обществѣ относится къ области его личныхъ соображеній. Любопытнѣе всего что здѣсь разья явленія полудикости которыми наше маловоспитанное общество отличалось не только въ двадцатыхъ годахъ, но и нынче, въ силу какой-то особенной логики отнесены къ „байронизму“, и этимъ путемъ привязаны къ Пушкину. „Русскій байронизмъ, говоритъ г. Анненковъ, никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣателямъ и къ современному нравственному положенію Европы. Онъ строился на странномъ, ничѣмъ неизяснимомъ, ничѣмъ неоправдываемомъ презрѣніи къ человечеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безнравства. Все это еще переплеталось у насъ съ порраженіемъ аристократическимъ приемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помниваго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно.“ Однажды допустивъ логику этого рода, не трудно будетъ, съ помощью маленькой натяжки, вывести заключеніе что знаменитый Поздревъ, какъ „слѣпо-бунтующая“ личность, былъ порожденіемъ русскаго байронизма вообще и Пушкинской поэзіи въ особенности... Ожидать отъ дальнѣйшаго „движенія“ нашей журналистики подобныхъ натяжекъ тѣмъ позволительнѣе что г. Анненковъ уже представляетъ блестящій примѣръ въ этомъ родѣ. Въ Кишиневской жизни Пушкина онъ находитъ образцы необычайной наглости въ обращеніи поэта съ людьми, заглости, которая очевидно относитъ его всецѣло къ категоріи „слѣпо-бунтующихъ“ личностей. Доказательство тому г. Анненковъ видитъ въ письмѣ Пушкина къ двумъ кишиневскимъ дамамъ, изъ котораго приводитъ слѣдующія строки:

„Hélas, aimable Maïguine, loin de vous mes facultés s'anéantissent; j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la famille du M-r soit digne d'en inspirer... Mais est-ce vrai, que vous crûtes venir à Odessa? Venez au nom de Dieu. Nous aurons pour vous attirer bal, opera italien, soirées, concerts, cicisbés soupirants, tout ce qu'il vous plaira. Je contreferaï le singe et je vous dessinerai Mme de T.. A propos de l'Arétin— je vous dirai, que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole, car ma conduite a toujours été telle“... Мы нарочно привели это письмо до слово, въ подлинникѣ, чтобы читатель могъ лучше оцѣнить слѣдующій выводъ, дѣлаемый изъ него г. Анненковымъ: „Посланіе было бы просто непонятно еслибъ мы не знали что наглость обращенія съ людьми вообще входила въ систему русскаго байронизма, и что она вывалилась, кромѣ всего другаго, еще и моральною бѣдностью самого общества, съ которымъ поэтъ пришелъ въ соприкосновеніе.“ Замѣтимъ что г. Анненкову неизвѣстно даже имя особы, которую Пушкинъ называетъ Майгиной, и что слѣдовательно онъ не имѣетъ никакой возможности судить объ отношеніяхъ къ ней Пушкина и о томъ въ какомъ тонѣ ему слѣдовало переписываться съ нею, не впадая въ наглость „слѣпо-бунтующей“ личности.

Тутъ же г. Анненковъ приводитъ и другое письмо Пушкина, къ какому-то Французу Дегильи: „A la veille d'un f.. duel au sabre, писалъ между прочимъ Пушкинъ, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes“. По поводу этого-то письма, не имѣющаго рѣшительно никакого значенія безъ знанія вызвавшихъ его обстоятельствъ, г. Анненковъ замѣчаетъ: „Пушкинъ не считалъ тогда униженнымъ для себя дѣйствовать такимъ образомъ и говорить языкомъ обоихъ приведенныхъ документовъ.“ Можемъ сообщить г. Анненкову что Пушкинъ и гораздо позднѣе не считалъ для себя униженнымъ требовать разчета за всякую нанесенную ему обиду, и въ подобныхъ случаяхъ писалъ письма еще болѣе рѣзкія такъ напримѣръ извѣстное письмо вызвавшее послѣднюю, роковую для его жизнь дуэль. Что хотѣлъ сказать

г. Анненковъ этими двумя, какъ онъ называетъ, документами для насъ остается рѣшительно непонятнымъ.

Изслѣдуя обращеніе Пушкина съ кишиневскими дамами и съ проходимцами разныхъ націй и вообще направляя свое вниманіе въ такія стороны которымъ едва ли справедливо отводить столько мѣста въ біографіи поэта, г. Анненковъ обнаруживаетъ весьма ограниченное пониманіе тамъ гдѣ дѣло касается чисто - поэтическихъ явленій въ жизни Пушкина. Несвободность его въ этой области такъ велика что его ставитъ въ тупикъ напримѣръ извѣстное сочувствіе нашего поэта къ Овидію, воспоминаніе о которомъ, подогрѣтое нѣкоторымъ сходствомъ въ судьбѣ обоихъ изгнанниковъ и посѣщеніемъ мѣста ссылки лѣвца *Превращеній*, внушило Пушкину такія высокія поэтическія созданія. По своей методѣ распознавать въ поэтахъ только ихъ политическое направленіе, ихъ тенденціозность, современный критикъ никакъ не можетъ совмѣстить въ своемъ представленіи одновременное сочувствіе Байрону и Овидію. Онъ недоумѣваетъ „какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго *деида* лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшагося постоянно въ лесть, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ?“ Единственное объясненіе этого непостижимаго для г. Анненкова факта находятъ онъ въ какой-то воображаемой двойственности въ натурѣ Пушкина, примѣрившей потребность отрицанія общественныхъ условій съ жаждою столичныхъ наслажденій. Еслибы намъ не было совѣстно занимать читателя слишкомъ элементарными истинами, мы охотно разъяснили бы г. Анненкову что Пушкинъ былъ не газетчикъ, а поэтъ, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ ему были одинаково близки и Байронъ, и Овидій, и Гёте, и Анакреонъ, и Шекспиръ, и Сладки.

Но тѣмъ именно и отличается критика нашихъ дней, что встрѣчаясь съ явленіями недоступнаго ей порядка, она не стремится подняться до нихъ, а напротивъ, самоувѣренно объявляетъ ихъ ничтожными или дикими, болѣзненными. Поразительный примѣръ такихъ отношеній къ вопросамъ поэческаго творчества мы уже видѣли въ самомъ началѣ этой статьи, когда упоминали о нѣкоторомъ ужасѣ наведенномъ на г. Ан-

ненкова „сатанинскими композиціями“ Пушкина Кишиневской эпохи. По порядку времени и мѣста, мы здѣсь можемъ еще разъ возвратиться къ этому предмету. „Сатанинскіе“ рисунки и наброски Пушкина помогаютъ г. Анненкову, вмѣстѣ съ письмами къ Майгинѣ и къ Дегилье, представить Кишиневскій періодъ въ жизни нашего поэта въ такомъ мрачномъ видѣ что читателю остается только удивляться бездѣйствію мѣстныхъ властей дозволившихъ Пушкину свободно гулять по городу, вмѣсто того чтобы посадить его въ клинику душевно-больныхъ и облаечь въ горячечную рубашку. По мнѣнію г. Анненкова, „ночь облежавшая сознание поэта въ Кишиневскую эпоху была дѣйствительною ночью, и яркіе просвѣты зрѣлой мысли, которыми она прорѣзывалась, свидѣтельствуютъ только о силѣ нравственнаго (?) творчества, неполнѣ утерянной имъ и тогда.“ Признаки этой ужасной ночи, „облежавшей сознание поэта“, находятся по мнѣнію автора въ черновой тетради, въ которой Пушкинъ чертилъ первые наброски своихъ поэтическихъ плановъ и идей, сопровождая ихъ по обыкновенію многочисленными рисунками перомъ. Изучая эти тетради, г. Анненковъ находитъ что онѣ каждую свою страницей говорятъ уже о необыкновенномъ состояніи его (Пушкина) фантазіи, возбужденной до крайней высочайшей степени. „Здѣсь именно является впервые тотъ циклъ художническихъ шалостей которому Французы даютъ названіе *diableries*—чертовщины.“ Какъ бы замѣтая что слово *шалость* совсѣмъ не идетъ къ содрогающемуся тову которымъ вдругъ заговорилъ біографъ, онъ тотчасъ поясняетъ: „Этотъ родъ изображенія отличается у Пушкина, однакожь, совсѣмъ не шуткой: нѣкоторые эскизы обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячечное свирѣлое состояніе фантазіи, что пріобрѣтаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщикомъ.“ И все это единственно потому что мысль современнаго критика не въ состояніи понять фантазію поэта, не въ состояніи подняться надъ уровнемъ ремесленной письменности, которую романисты и стихотворцы нашихъ дней выдаютъ за поэзію. Эта ремесленная письменность, вяло варьирующая однѣ и тѣ же тенденціозныя темы, до такой степени отучила насъ отъ настоящаго искусства что самые обыкновенные художественные приемы

ставятъ насъ втуликъ и заставляютъ предполагать въ авторѣ психическое разстройство. Не только новое поколѣніе, выросшее внѣ воспитательнаго вліянія и искусства и художественной литературы, но даже люди нѣкогда изъ всѣхъ силъ хлопотавшіе около литературныхъ талантовъ и считавшіе за честь понимать ихъ стараются нынче заластись новою мѣркою вещей, болѣе приспособленной къ вкусамъ толпы, которой они служатъ. Пушкинъ не избѣжалъ общей участи великихъ людей судимыхъ умственнымъ мѣщанствомъ: Сначала намъ показали несостоятельность его общественнаго служенія, теперь въ произволѣ его поэтической фантазіи указываютъ симптомы его душевной болѣзни, а въ его увлеченіяхъ Байронсмъ—нагаость „слѣпо-бунтующей личности“.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

1874

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ. Очерки нашего времени. Продолженіе. В. П. Безобразова.
- II. „ВЪ ДЫМКЪ-НЕВИДИМКЪ“. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- III. ДВѢ СИЛЫ. Романъ. Конецъ первой части. В. В. Крестовскаго.
- IV. СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ. Эстетическій этюдъ по поводу Вѣнской всемірной выставки. Г. Е. Струве.
- V. ИСТОРИЯ БЛѢДНАГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА. Романъ въ трехъ книгахъ съ прологомъ. Книга первая. Д. В. Аверкіева.
- VI. МОАВІЯ. Д.
- VII. ФАУСТЪ. Трагедія Гёте. Часть первая. Сцена III. И. Н. Павлова.
- VIII. ЛЕДИ АННА. Романъ. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXXVI—XXXVIII.
- IX. РЕКЛАМА ВО ФРАНЦІИ. Петра' Петрова.
- X. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ. Н. Вицына.
- XI. НОВОЕ СЛОВО СТАРОЙ КРИТИКИ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛОЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга шестая. Гл. XI—XVII. Книга седьмая. Гл. I—VI.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. IV — VIII и книга вторая Гл. I.